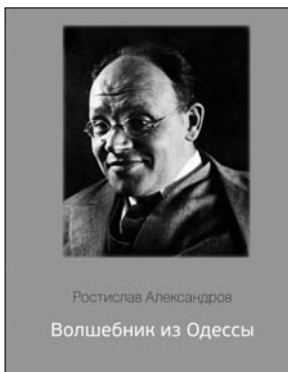

...В ОДЕССЕ

Вместо предисловия

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Волшебник из Одессы. По следам Исаака Бабеля
Одесса, Пласке, 2011

Написанное мною, думаю, нельзя назвать предисловием; скорее это отклик на издание книги о моем отце в его родном и любимом городе Одессе.

Одесса — удивительный город, который остается в сердцах одесситов навсегда, независимо от того, где они находятся. Как пишет автор книги, они испытывают к родному городу "нежную привязанность". А в старые времена одесситы сравнивали Одессу "ни больше ни меньше как с Парижем". Мой отец не был исключением; он обожал Одессу и помнил ее, но, в отличие от других одесситов, находил больше сходства между Одессой и Марселем. "Представьте себе Одессу, достигшую расцвета. Это будет Марсель", — писал Бабель. А в Париже, где отец бывал часто и подолгу жил, он всегда скучал по Одессе. Вот как описывает свою встречу с Бабелем в Париже Александр Бахрах (литературный секретарь Бунина): "От импрессионизма, от излияния восторгов перед Боннером и Вийяром — он незаметно перескочил к описанию старой Одессы, которую, как все одесситы, любил с какой-то преувеличенной нежностью. Он рассказывал о ней с таким смаком, что я, никогда не побывав в этом "нездешнем" городе, видел перед собой его улицы, чуть ли не утопающие в акациях и сирени, слышал несущиеся из порта гудки пароходов, открывал смысл чуждых мне названий — Молдаванка, Пересыпь, Фонтанка (Фонтаны. — Л. Б.), кафе Робина и Фанкони".

А другой свидетель рассказывал, как однажды, гуляя с ним по Монпарнасу, Бабель, "чтобы там запахло Одессой, распевал одесские песни, в том числе: "Сухой бы я корочкой питалась, сырую воду бы пила, не пиши мне, варвар, писем, не волнуй ты мою кровь".

Одесса, благодаря ее знаменитым сынам, приобрела международную известность; совсем недавно я держала в руках книгу американского писа-

теля Чарльза Кинга "Одесса" (Odessa: Genius and Death in a City of Dreams) с подробным описанием ее истории и судеб людей, ее прославивших.

При рождении мне повезло. Я родилась "у такого еще папаши". Мой отец был необычайно интересным человеком с оригинальным складом ума и замечательным чувством юмора, и к этому времени уже известным писателем. Когда мне исполнилось два года, его арестовали и вскоре расстреляли. Мама вызвала в Москву свою маму из Томска, и я росла с мамой и бабушкой, а потом всю жизнь прожила с мамой, и все мои родственники были со стороны мамы.

Отец, конечно, присутствовал в нашей жизни. Мама помнила всё, что он говорил и делал, и рассказывала мне; люди, которые приходили к нам в дом, говорили о нем; меня окружали его фотографии, чудом сохранившиеся в полупустой квартире после войны, и наконец, книги. К тому же, постоянно напоминала о нем моя фамилия, которую я никогда не меняла. Однако родных отца я фактически не знала, кроме тети Кати — тетки отца, которая жила в Москве, и о которой упоминает автор в своей книге. Я слышала о существовании Ады, двоюродной сестры отца, но никогда не видела ее. Со своей тетей Мерой, сводным братом и сестрой, я познакомилась гораздо позже, в 60-х годах. О моих прародителях я почти ничего не знала, и поэтому эта книга была мне очень интересна, и я благодарна автору за его скрупулезный труд по розыску сведений о предках Бабеля, и моих тоже. Было очень любопытно прочитать о моих бабушках и дедушках, и их родителях, их окружении, занятиях и образе жизни. У меня такое впечатление, что я обрела что-то, чего мне очень не хватало для моего самосознания.

Очень многие исследователи творчества Бабеля интересовались, каким образом получают эти маленькие шедевры — бабелевские удивительные, столь выразительные короткие рассказы. Вспоминается стихотворение С. Кирсанова, тоже одессита.

Не надо даром зубрить сабель,
меня интересует Бабель,
наш знаменитый одессит.
Он долго ль фабулу вынашивал,
писал ли он сначала начерно
иль, может, сразу шпарил набело,
в чем, черт возьми, загадка Бабеля?..

Автор этой книги тоже посвятил этому вопросу немало страниц, пытаясь понять процесс творчества Бабеля. Интересно было проследить за ходом его мыслей по поводу изменений в тексте рассказов, делавшихся в течение нескольких лет, от издания к изданию — с целью совершенствования текста, выбрасывания всего лишнего. Сам Бабель писал: "Я могу переписывать несчетное число раз. Я считаю, что эта система дает большую легкость, плавность повествования и большую непосредственность".

Я очень заинтересованно прочитала подробности об истории газеты "Моряк", в которой начинали свой путь очень многие, впоследствии известные люди. Я хорошо знала Исаака Леопольдовича Лившица и его семью, дружила с его дочерью Таней, а также была знакома с Юрием Олешей, Львом Славным, Семеном Гехтом. Из других, не относящихся к этой плеяде одесситов, знала Леонида Утесова, которого отец очень любил, и Татьяну Тэсс, с которой Бабель дружил многие годы. Она сделала замечательный фотопортрет отца, на обратной стороне которого он написал: "В борьбе с этим человеком проходит моя жизнь. И. Б."

Бабель мечтал жить и стариться в Одессе, на Ближних Мельницах. И мать Т. Тэсс подыскала ему флигелек на Пишениной улице. Было это весной 1938 года...

Лидия БАБЕЛЬ,
апрель 2011

